

Тува вчера, сегодня, завтра

Tuva yesterday, today, tomorrow

DOI: 10.25178/nit.2017.1.10

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ТУВУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

AGRICULTURAL PRACTICES OF RUSSIAN SETTLERS IN EARLY 20th CENTURY TUVA

Маргарита П. Татаринцева

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-
экономических исследований

Margarita P. Tatarintseva

Tuva Institute for Humanities
and Applied Socioeconomic Studies

Статья посвящена проблемам и особенностям становления земледелия в Туве русскими крестьянами, которые не просто приняли массово переселяться в регион с конца XIX века и стали осваивать территорию, но и привнесли сюда новую хозяйственную культуру.

В исторической литературе встречаются утверждения, что в Туву переселялись преимущественно зажиточные крестьяне — кулаки. Однако работы исследователей-историков, а также архивные документы, полевые материалы историков и этнографов и воспоминания старожилов не подтверждают этого. В основном это были бедные крестьяне, которые могли стать зажиточными. Обосновавшись на постоянное жительство в Туве, русские земледельцы оказались в стране, где коренное население вело совершенно иной образ жизни — кочевой — и земледелием почти не занималось. Поэтому происходила встреча двух совершенно разных типов хозяйствования и землепользования. Выявилась культурно-хозяйственная разнонаправленность: природосберегающая этика коренного кочевого населения и природопользовательская, природопреобразующая деятельность крестьян-земле-

The article deals with the issues and aspects of agricultural practices of Russian peasant settlers in Tuva. Since the start of their mass resettlement in the region at the end of the 19th century, they did more than just cultivating new lands — the settlers introduced a new culture of husbandry in the region.

Some historians have claimed that the settlers were mostly well-to-do peasants — the kulaks, as they were known. However, recent research based on archival studies and field observations of historians and ethnographers, as well as personal memories, do not confirm this theory. Settlers, on the contrary, were mostly poor but aimed to prosper. Now permanently residing in Tuva, Russian farmers found themselves in a region populated by people with a very different — nomadic — lifestyle and almost no skills in crop farming. This led to an encounter between two

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект «Этнокультурные ландшафты Южной Сибири. Историческая динамика и сравнительный анализ (конец XIX — начало XXI в.)», грант № 15-01-00453 / The article was written as part of the project “Ethnocultural landscapes of South Siberia: Historical dynamics and comparative analysis, late 19th – early 21st century”, supported by the Russian Foundation for the Humanities, Grant No. 15-01-00453.

Татаринцева Маргарита Петровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сектора культуры Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: margotatar@mail.ru

Tatarintseva Margarita Petrovna, Candidate of History, Leading Research Fellow, Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetova St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: margotatar@mail.ru

Два образа жизни были настолько разными, что говорить о тесных экономических контактах и культурном взаимодействии в начале совместного проживания русских крестьян и тувинцев едва ли возможно. Какое-то время, это больше напоминало существование двух параллельных миров.

Русским переселенцам в Туве удалось оптимизировать свои трудовые навыки, успешно адаптироваться. В хозяйственный оборот их усилиями были введены тысячи десятин земли. В Туве появились новые, ранее неизвестные здесь сельскохозяйственные орудия труда: плуг, борона, жатки, веялки и т. д., которые постепенно начали использоваться и тувинским населением. Была создана новая, несколько отличающаяся от прежних мест проживания система хозяйствования, которая оказалась адекватной местным природно-климатическим условиям.

В целом русская аграрная колонизация не обостряла земельный вопрос в Туве, так как для переселенцев и коренного населения были характерны разные хозяйственные стратегии, и пришлое население постепенно приспособило свою хозяйственную деятельность к этим различиям.

В качестве источников автор использовал воспоминания русских старожилов Тувы, в разное время собранные и опубликованные материалы о жизни русских в Туве, а также материалы архивных документов (Государственного архива Республики Тыва, Государственного архива Красноярского края, Научного архива Тувинского института гуманитарных исследований), работы путешественников конца XIX — начала XX в.

Ключевые слова: русские в Туве; история Тувы; земледелие; начало XX века; хозяйственная деятельность; природные ресурсы; экономическая культура

revealed their cultural and economic contrast: the environment-friendly indigenous nomadic ethics vs. that of Russian farmers aimed at using natural resources to the full. These two lifestyles were so different that it rendered impossible any close economic contact or cultural interaction between the Russian and Tuvans. For a while, they lived as if in two parallel worlds.

Russian settlers in Tuva managed to adapt to the new environment and optimize their practices and skills. They were the first to till thousands of desiatinas of virgin soil, introduced such previously unknown agricultural tools as the plough, harrow, cutter and winnower – the use of all of which was in due time picked up by the Tuvans as well. A new system of agriculture arose, which was relevant to the local natural and climatic conditions.

On the whole, agrarian colonization of Tuva by the Russians did not aggravate the 'land issue' in Tuva, as the indigenous population and the settlers utilized differing strategies of agriculture, and the newcomers slowly adapted their practices to match the difference.

Our sources include the memories of the older generations of Russians in Tuva, as these memoirs were collected and published by their authors, – as well as archival materials from the State Archives of the Republic of Tuva and Krasnoyarskii Krai, the Research Archive of the Tuva Institute for the Humanities, – and finally, reports and other texts written by the Russian travelers in the region in late 19th and early 20th century.

Keywords: Russians in Tuva; history of Tuva; crop farming; early 20th century; economic activity; natural resources; economic culture

Введение

Представления о неисчерпаемости свободных земель и природных ресурсов Сибири долгое время служили стимулом для переселения в этот край крестьян из Европейской части России. Примерно также представляли себе Туву жители соседних с ней земель, намереваясь переселиться в новые места. Подавляющее большинство переселенцев в Туву с начала XX века составляли крестьяне, которые и расселились в крае, используя, по возможности, свободные, пригодные для хлебопашества земли. Однако, хозяйственное освоение Тувы проходило не так просто, как рисовалось будущим земледельцам.

Статья посвящена проблемам и особенностям становления земледелия в Туве русскими крестьянами, которые не просто переселились в новые земли и стали их осваивать, но и привнесли новую хозяйственную культуру в регион.

Источниками автору послужили воспоминания русских жителей Тувы старшего поколения, публикации прежних лет о жизни и обустройстве русских переселенцев на тувинской земле, а также материалы архивных документов (Государственного архива Республики Тыва, Государственного архива Красноярского края, Научного архива Тувинского института гуманитарных исследований), работы путешественников конца XIX — начала XX в.

Параллельные миры

В докладе Иркутскому генерал-губернатору в 1916 г. один из царских переселенческих чиновников писал о русском населении в Туве: «Население Урянхайского края в значительной мере состоит из выходцев соседней Енисейской губернии, на втором месте — Томской губернии, и только 30% русских жителей — выходцы из других губерний» (Центральный государственный архив Республики Тыва — ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 2, ед. хран. 155, л. 18).

В исторической литературе встречаются утверждения, что в Туву переселялись преимущественно зажиточные крестьяне — кулаки (Сафьянов, 2012). Однако работы исследователей-историков, В. И. Дулова (Дулов, 1956), например, а также архивные документы, полевые материалы историков и этнографов и воспоминания старожилов не подтверждают этого. Да и описания русских поселков и деревень первых десятилетий XX века, оставленные нам учеными и путешественниками, как-то не соответствуют представлениям о зажиточности (довольно убогие бескрышные дома и полуземлянки, изгороди из жердей, натянутые в некоторых домах вместо стекол в окнах бычьих пузыри и т. д.).

Другое дело, если хозяйственное устройство на новых местах прошло успешно, свежая, целинная земля давала крестьянину хороший урожай, то наиболее прагматичные, предприимчивые переселенцы сравнительно быстро могли поправить свои дела и действительно стать вполне самостоятельными, крепкими, а то и зажиточными хозяевами.

Вспоминает П. Т. Афанасьева (1910 г. р.), семилетним ребенком переехавшая в Туву, в село Атамановку, в 1917 г.: «Отец вперед ходок ходил,

посеял одну десятину. Урожай сняли, и нас столько он прокормил одной десятиной (семья была 10 человек. — М. Т.). Хлеб такой здесь родился, и на посев еще было».

Однако урожайными были далеко не все годы, обычно 1–2 за пять лет.

Как правило, каждой крестьянской семье в новых условиях пришлось вести борьбу за выживание, и даже при благоприятных условиях требовалось несколько лет, чтобы укорениться на новых местах и завести крепкое хозяйство.

Обосновавшись на постоянное жительство в Туве, русские земледельцы оказались в стране, где коренное население вело совершенно иной образ жизни — кочевой — и земледелием почти не занималось (исключение составляли небольшие посева проса, ячменя, которые тувинцы выращивали с использованием поливных канав). У русских же переселенцев в Туву, как и у всех русских крестьян, осваивавших просторы Сибири, в основе жизнеобеспечения лежала преимущественно земледельческая культура Европейской России. Первопоселенцы на новом месте, как это было по всей Сибири, стремились создать модель прежней родины, хотя и откорректированную конкретной обстановкой на новых местах поселения.

На тувинской же земле с появлением русских крестьян-земледельцев, по сути дела, столкнулись два совершенно разных типа хозяйствования и землепользования, выявилась культурно-хозяйственная разнонаправленность: природосберегающая этика коренного кочевого населения и природопользовательская, природопреобразующая деятельность крестьян-земледельцев. Вторжение в природу, распашка целинных земель, рубка леса, раскорчевка, сенокосение, постройка стационарного жилья и целых деревень — с дорогами, парами, мостами, мельницами, заборами, огородами, огороженными посевами и покосами и т. д. — все это было необходимой частью жизнеустройства русских на новых местах.

Агроном А. А. Турчанинов в 1916 г. отметил потребительский взгляд на природу у переселенцев и разные типы хозяйственных культур, столкнувшихся в Туве: «Воззрения у кочевника и оседлого земледельца существенно разнятся между собой. Первый стремится к сохранению имеющегося на поверхности травяного покрова, второй желает этот покров перевести в зерновые продукты» (Государственный архив Красноярского края. — ГАКК. Ф. 1380, оп. 3, д. 5, л. 1, об. 2.).

Некоторые особенности жизни кочевника русским приходилось постигать уже на месте. Например, огромные просторы пустопорожных земель

казались русскому крестьянину ничейными, свободными. Но, как оказывалось на деле, каждое кочевое хозяйство тувинцев имело пространственную привязку к определенным землям, используемым время от времени или в определенное время года, а иногда и не каждый год. Поэтому возникновение на таких землях пашен и стационарных построек переселенцев не соответствовало интересам кочевника. Соответственно возникали конфликты.

Это были настолько отличные и малоизвестные друг другу образы жизни, жизненные уклады двух народов, что говорить о тесных экономических контактах и культурном взаимодействии в начале совместного проживания русских крестьян и тувинцев едва ли возможно. Какое-то время, по-видимому, это больше напоминало существование двух параллельных миров. Сказывалась разница исторического и духовного опыта каждого народа.

Многие русские старожилы постоянно вспоминают о том, что с появлением русских поселков тувинцы никогда не ставили свои юрты близко к домам русских, а всегда несколько поодаль. Причем на зиму тувинцы уходили жить в горах, а летом спускались к речке.

И тем не менее, по утверждениям историков, изучавших процессы взаимодействия русских переселенцев и коренных народов Сибири, в том числе и в Туве, «контакты с аборигенным населением способствовали очень раннему установлению этнической и конфессиональной толерантности в сибирском социуме, тем более, что и сами пришельцы были этноконфессионально разнородны изначально... С достаточной уверенностью можно считать именно этническую толерантность специфической чертой складывающегося сибирского социума» (Шерстова, 2005: 25).

Думается, это наблюдение историка, сделанное в целом по Сибири, можно экстраполировать и на взаимоотношения русских переселенцев с коренными жителями Тувы. Постепенно складывались правила общежития, своего рода народная дипломатия, о чем писал неоднократно по служебной надобности бывавший в Туве инженер В. Родевич: «...Земельные за-владения русских ... совершались ... на пустых местах, со всяким уважением к ту-винцам: им дают часть посева, угощают и для пастьбы скота остается довольно много места по степи, тайге и горам. Места же ценные, например, сенокосные луга, берутся у тувинцев в аренду ... Таким образом... мирное сожительство русских с урянхами возможно» (Родевич, 1912: 39–40).

Проблемы хозяйственного освоения земель

Аграрное и хозяйственное освоение новых природно-климатических зон, экологическая адаптация к местным условиям проходили также не просто.

В целом переселенцы в Туве оказывались в более суровых климатических условиях по сравнению с прежними местами проживания. В большинстве своем для земледелия требовалась ирригация. С. Р. Минцлов о землях на Малом Енисее, где было множество малодворных русских поселений, пишет так: «...И везде, где была трава и зелень, пролегали мочаги, притом древние, только расчищенные крестьянами; где не хватало орошения, там, словно лысина, бурела обнаженная мертвая земля» (Минцлов, 1915: 155).

Обживание новых мест, их хозяйственное освоение переселенцами происходили постепенно и имели разносторонний характер. И конечно, в процессе налаживания жизни на новом месте складывались свои особенности хозяйства и быта.

Крестьянское хозяйство в условиях Тувы долгое время было многопрофильным, в основном полеводческо-животноводческим. Главным в хозяйственной деятельности и жизнеобеспечении большинства крестьян-новоселов всегда оставалось земледелие. Как правило, земли обрабатывалось столько, сколько необходимо было для нужд семьи. Пашня могла быть от дома на расстоянии 10–12 км.

Пахота и сев считались мужским занятием. Надо было удачно выбрать время посева. Народная примета такова: если весенняя земля, сжатая в кулаке, рассыпается — пора сеять, если остается комком, еще сыро, надо подождать.

Землю вспахивали плугом на глубину 18–20 см. Пахали только на лошадях, быков переселенцы не использовали. (Лошадь, в глазах крестьянина, «работница», а корова — «кормилица».) Пахали недели две, тут же сеяли и боронили. Сеяли, руками разбрасывая семена, обычно это делали отец или взрослый сын. «Сеяли руками через плечо, на ремне мешок, в нем половина зерна и бросали горстями. Сеял чаще всего отец. Как только посеяли, тут же нужно было заборонить», — вспоминали старожилы (Научный архив Тувинского института гуманитарных исследований — НА ТИГИ. Т.982, тетр. 13). Перед тем, как начать сеять, сеятель должен был обязательно помолиться на восток. Сев заканчивали во вторую половину мая, в дни религиозных праздников не сеяли. Не трогали землю и в Духов день, первый

понедельник после Троицы: «Копать нельзя, земля именинница!»

И на новых местах сеяли привычные культуры — горох, рожь, пшеницу, овес, ячмень, лен, коноплю (на масло и для изготовления веревок, мешковин и т. д.) и просо (именно в такой временной последовательности). В некоторых районах, например, в Шагонаре, Эрбеке, выращивали табак.

По окончании полевого сезона, жатвы устраивали праздник — варили пиво, медовуху, пекли отжиночные пироги и т. д.

Зерно на муку мололи на водяных мельницах. Если крестьянину нечем было платить мельнику за помол, он расплачивался намолотой мукой.

В отдельных зажиточных и крепких хозяйствах имелись плуги, бороны, жатки, веялки, сенокосилки и другой сельхозинвентарь, но в целом преобладал ручной труд.

Энергичные и предприимчивые русские переселенцы строили заимки, деревни, не раз меняли место жительства в новой для себя стране и в основном все-таки находили наиболее благоприятные для земледелия места. Они засевали пашню, разводили огороды, понемногу начинали налаживать торговый обмен как с соседними русскими поселениями, так и с коренными жителями. Предметом торгового обмена были изделия ремесленников, продукты земледелия и лесных промыслов (пушнина, рыба, ягоды, орех и т. д.).

Во взаимодействии и противоборстве традиции, преемственности всего, что было накоплено за века трудового опыта, и адаптации к изменившимся условиям формировалась хозяйственно-бытовая культура русского земледельческого населения в Туве с некоторыми локальными особенностями. В целом преобладало полунатуральное комплексное хозяйство (земледелие, скотоводство, рыболовство, промыслы, собирательство). Домашние виды ремесел (кожевенное, пимокатное, столярное, ткачество, вышивание, вязание и др.) также были широко распространены. Но обеспечивать семью только за счет ремесла удавалось немногим, в условиях Тувы жизнь только за счет ремесла была скорее исключением, чем правилом.

Как и по всей Сибири, поселенцам в Туве пришлось обновлять традиции землепользования применительно к местным условиям. Прежде чем начинать пашню, нередко приходилось очищать ее от камней, а то и раскорчевывать от пней. Обычно пахали плугом, урожай убирали серпом.

На тувинской земле русским переселенцам пришлось осваивать поливное земледелие, поскольку из-за жаркого, засушливого тувинского лета

на неполивных землях урожай подвергался большому риску. Старожилы вспоминают, что для полива угодий состоятельные хозяева часто нанимали более опытных в этом деле тувинцев или сами, по примеру тувинцев, учились «мочить» землю, чего никогда не делали, живя в прежних местах. Вспоминает Т. И. Иконникова: «Никогда люди не видели, чтобы хлеб мочили, воду запускали, а тут уж это было» (НА ТИГИ. Фонд фольклорный, т. 250, д. 1019).

Приведем воспоминания, связанные с местным орошением, еще одной жительницы села Баянкол (Улуг-Хемский кожуун) Л. Зверевой. В те годы в этом селе проживали только русские. «Мой муж вместе с другими односельчанами решили прорыть канаву от реки, чтобы можно было орошать пашню... И вот начали мы делать плотину, чтобы построить оросительную канаву. Все жители села вышли на эту работу. Из просмоленной листовницы сделали опоры, поставили шлюз там, где речка Баянкол впадает в Енисей. Многим приходилось стоять по грудь в воде, да и работа была непривычная, но мы справились и канаву прорыли. Теперь можно было и колхозное поле распахивать. Было это в 1934 году, а в 1935 на новом месте собрали невиданный урожай» (Тува XX век ..., 2001: 170).

Тувинцы для орошения своих небольших посевных участков чаще всего использовали древние оросительные сети, поддерживая их в надлежащем состоянии. То же наблюдалось и в других регионах Сибири, когда коренное население использовало в засушливом климате древние ирригационные системы, например, буряты в Забайкалье. О поливном земледелии в тех краях писал еще декабрист Н. А. Бестужев, считая, что русские переняли искусство орошения у бурят (Бестужев, 1975: 59).

Агроном А. А. Турчанинов писал: «Орошение стоит у сойот на высокой степени культуры и может быть признано совершенным. Замечательно, что русские заимочники крупного типа для орошения своих посевов нанимают сойот. Оросительные каналы проведены за много верст и по всем правилам гидротехники. При орошении устраиваются главные, вторичные, напускные оросительные борозды и отводные каналы. Влага используется без потерь полностью» (Турчанинов, 2009: 139–140). Тем не менее, примечательно наблюдение О. Менхена-Хелфина в книге «Путешествие в азиатскую Туву»: «Тувинец любит свои стада, а не маленькую пашню» (Менхен-Хелфен, 2007: 267).

Обычно поливали пашни 2–3 раза за лето. Расчищали старые мочаги или делали новые каналы от речки, и вода самотеком шла на поля. Иногда

на ручье или речке (например, в Шагонаре) делали плотину и потом по канавам распределяли воду. Между жителями деревни соблюдался порядок полива. На деревенских сходках выбирали старшего, ответственного за орошение, очередность полива, расчистку и ремонт оросительных канав и плотин. Также из канав ведрами, ковшами поливали огороды. Если ирригация — проведение канав — была невозможной, рыли колодцы, из них носили воду ведрами для полива огорода. Когда погода стояла сухая, огород поливали каждый день, на это уходило часа два. Поливали (мочили) и сенокосные луга.

После того, как отсеивались, приступали к чистке канав, ремонту плотины и т. д. За эту работу также отвечал выбранный старший, и порядок соблюдался.

Оставляли пары, залежные земли — 1–2 десятины, год–два земля отдыхала. Удобрений на поля в большей части хозяйств не вывозили. Правда, в некоторых кожуунах, вспоминают старожилы, для удобрения земли переселенцы употребляли древесную золу, которую собирали всю зиму, реже использовали навоз, навозную жижу.

Сенокос начинали в Петровки (вторая декада июля), затем, примерно с 20 августа, начиналась жатва.

Отличия, появившиеся с течением времени в хозяйствовании переселенцев в зависимости от местных природно-климатических, а также от социальных, политических и экологических условий, и некоторое влияние опыта приспособления к окружающей среде аборигенных народов — в Сибири вообще и в Туве в частности, свидетельствовали об адаптационных процессах в новых условиях, взаимодействии русского и тувинского хозяйственного опыта, без чего нормальная хозяйственная деятельность была бы невозможной (Любимова, 2012: 27).

Заключение

Итак, русским переселенцам в Туве удалось оптимизировать свои трудовые навыки и в целом успешно адаптироваться к новым условиям. Благодаря их неустанному труду в хозяйственный оборот были введены тысячи десятин земли. На тувинской земле появились новые, ранее неизвестные здесь сельскохозяйственные орудия труда: плуг, борона, жатки, веялки и т. д., которые постепенно начали использоваться и тувинским населением. Была создана новая, несколько отличающаяся от прежних

мест проживания система хозяйствования, которая оказалась адекватной местным природно-климатическим условиям. Особенно эти отличия заметны в овладении опытом поливного земледелия, мараловодства, расширения значения в системе жизнеобеспечения лесных промыслов и других присваивающих форм хозяйствования (охота, рыболовство, разного рода собирательская деятельность). Печеный хлеб стал повседневной едой не только у русских, но и у живущих рядом с ними тувинцев.

В целом русская аграрная колонизация не обостряла земельный вопрос в Туве, так как для переселенцев и коренного населения были характерны разные хозяйственные стратегии, и пришлое население постепенно приспособило свою хозяйственную деятельность к этим различиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бестужев, Н. А. (1975) Бурятское хозяйство // Декабристы в Бурятии / сост. В. Б. Бахаев. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во. 232 с. С. 228–230.

Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М.: Изд-во АН СССР. 608 с.

Любимова Г. В. (2012) Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. 206 с.

Менхен-Хелфен, О. (2007) Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер. Антология / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово. Т. 6. С. 220–351.

Минцлов, С. Р. (1915) Секретное поручение. Рига.

Родевич, В. М. (1912) Урянхайский край и его обитатели. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 60 с.

Сафьянов, И. Г. (2012) Тува в прошлом: в 2 т. М.: б/и. Т. 2. Повесть о жизни. Гражданская война в Туве. 315 с.

Тува XX век. Народная летопись (2001) / сост. Н. Богдановская. Кызыл: Респ. Типография. 309 с.

Турчанинов, А. А. (2009) Урянхайский край в 1915 году. Кызыл: ТИГИ при Правительстве РТ. 424 с.

Шерстова, Л. И. (2005) Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-культурного и экономического развития Сибири XVII–XX вв. / отв. ред. В. М. Шиловский. Новосибирск: РИПЭЛ. 304 с. С. 16–28.

Дата поступления: 15.01.2017 г.

REFERENCES

Bestuzhev, N. A. (1975) Buriatskoe khoziaistvo. In: *Dekabristy v Buriatii*, comp. V. B. Bakhaev. Ulan-Ude, Buriat. knizh. izd-vo. 232 p. Pp. 228–230. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Tuvy. XIX — nachalo XX v.* Moscow, AN SSSR Publ. 608 p. (In Russ.).

Liubimova G. V. (2012) *Ocherki istorii vzaimodeistviia sel'skogo naseleniia Sibiri s prirodnoi sredoi (na materialakh russkoi zemledel'cheskoi traditsii)*. Novosibirsk, Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ. 206 p. (In Russ.).

Menkhen-Khelfen, O. (2007) Puteshestvie v aziatskuiu Tuvu. In: *Uriankhai. Tyva depter. Antologiia*, comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 6. Pp. 220–351. (In Russ.).

Mintslov, S. R. (1915) *Sekretnoe poruchenie*. Riga. (In Russ.).

Rodevich, V. M. (1912) *Uriankhaiskii kraii ego obitateli*. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasiulevicha. 60 p. (In Russ.).

Saf'ianov, I. G. (2012) *Tuva v proshlom: in 2 vol.* Moscow, s. n. Vol. 2. Povest' o zhizni. Grazhdanskaia voina v Tuve. 315 p. (In Russ.).

Tuva XX vek. Narodnaia letopis' (2001), comp. N. Bogdanovskaia. Kyzyl, Resp. Tipografia. 309 p. (In Russ.).

Turchaninov, A. A. (2009) *Uriankhaiskii kraii v 1915 godu*. Kyzyl, TIGI pri Pravitel'stve RT. 424 p. (In Russ.).

Sherstova, L. I. (2005) Russkie v Sibiri XVII veka: mental'nye i sotsiokul'turnye transformatsii. In: *Problemy sotsial'no-kul'turnogo i ekonomicheskogo razvitiia Sibiri XVII–XX vv.*, ed. V. M. Shilovskii. Novosibirsk, RIPEL. 304 p. Pp. 16–28. (In Russ.).

Submission date: 15.01.2017.

Для цитирования:

Татаринцева М. П. Особенности земледелия русских переселенцев в Туву в начале XX века [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/702> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.10

For citation:

Tatarintseva M. P. Agricultural practices of Russian settlers in early 20th century Tuva [online] *New Research of Tuva*. 2017, no. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/702> (access date: dd.mm.yy.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.10